

ницшеанские пути для своих героев, хотя не всегда и не во всем соглашается с Ницше. Отношение автора к философии Ницше в этом романе скорее похоже на бурную полемику. Антиподом Ницше в этой борьбе выступает И. Гете, к которому Гессе не раз возвращался в своем творчестве. Видимо, в Гете автора привлекает жизнеутверждающее мироощущение при всей многогранности восприятия жизни. Это внутреннее столкновение двух мировоззренческих типов, составляющих не только философскую основу романа, но и его невидимый фон. Этим также объясняется большое количество скрытых цитат из Ницше и из Гете и является интереснейшим стилистическим приемом Гессе в этом романе.

Однако, ни Нарцисс, ни Гольдмунд не являются глашатаями определенных истин, каждый из них представляет собой как бы поле битвы противоположных философских идей. Но, тем не менее, «главные герои романа – Нарцисс и Гольдмунд – являют собой как бы некий отдельный мир, который противопоставлен остальным людям и их жизни, мир, который изолирован от действительности. При всем различии в характерах Нарцисс и Гольдмунд являют собой некое единство и немыслимы один без другого»[4, с. 23].

Неверным было бы считать, что гетевское мироощущение в романе побеждает. Единоборство Гете и Ницше не приводит к победе ни одну из систем. Пытаясь установить точки соприкосновения и равновесия, Гессе черпает их из обоих источников.

Библиографический список

1. Герман Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» - СПб.: «Азбука классика», 2006.
2. Б. Целлер «Герман Гессе, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни» - Челябинск, «Урал Ltd», 1998.
3. Березина А.Г. «Герман Гессе» - Ленинград, издательство Ленинградского Университета, 1976.
4. Мамедов, А. А. Философские аспекты романа Германа Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» [Текст] / А. А. Мамедов, К. Ю. Донских, Д. В. Котусов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. - 2021. - Том 10. - № 1А.

УДК 1(091)

О «БАНАЛЬНОСТИ ЗЛА» ХАННЫ АРЕНДТ

Донских Ксения Юрьевна, к.филос.н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ - МСХА имени К.А. Тимирязева, ks.donskih@gmail.com

Котусов Дмитрий Вячеславович, к.филос.н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ - МСХА имени К.А. Тимирязева, dentor@yandex.ru

***Аннотация:** В статье говорится о процессе над А. Эйхманом, разбирается понятие «банальность зла» и влияние произведения Х. Арендт на политическую и этическую мысль XX века.*

***Ключевые слова:** Ханна Арендт, банальность зла, вина, мораль, холокост.*

Книга Ханны Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» вышла в 1963 году и сразу вызвала шквал критики. Сарказм и иронию, которыми пронизано данное

произведение, не оценили даже друзья писательницы, порвав с ней отношения. Тем не менее, именно эта работа Арендт стала классикой политической мысли XX века. Благодаря ей, появилось понятие «банальность зла», означающее бездумное подчинение любимым, даже самым бесчеловечным законам. Этот термин стал одним из краеугольных в современной философии. По мнению немецкого философа, которое она выразила в своем произведении, банальность зла заключается в том, что его совершают обычные люди, которые не более чем выполняют приказ, обязательства, поддерживают порядок и т.п. Как заявлял подсудимый Адольф Эйхман (так называемый «архитектор Холокоста») на суде, он лично не убил ни одного еврея, как, впрочем, и ни одного не еврея. Собственно, по его мнению, он вообще никого не убил. Он только выполнял приказ. Ханна Арендт пишет следующее: «Судьи не поверили потому, что, будучи людьми порядочными, и возможно, слишком даже совестливыми для своей профессии, не могли и представить, что обыкновенный, «нормальный» человек – не слабоумный, не циничный и не жертва пропаганды – оказался не способным отличать добро от зла» [1, с. 49]. В одном из своих интервью она называет Эйхмана ничтожной и банальной личностью, дураком. Дураком не клиническим, а тем, кто не умеет мыслить. Действительно, Эйхман просто поражал своей недалечностью. До последнего выполняя даже не прямой приказ, а скорее желание Гитлера очистить Германию от еврейского народа, Эйхман упорно не предполагал, насколько ухудшает свою жизнь в будущем. При этом, уже в Иерусалиме, он признавался, что вовсе не антисемит, что «он «лично» никогда ничего против евреев не имел; напротив, у него имелась масса «личных причин» не быть евреененавистником» [1, с. 49]. Стоит сказать, что у Эйхмана действительно были евреи среди родственников, более того, он признавался и в симпатии к некоторым своим знакомым евреям. Но вместе с тем он был невероятным фанфароном. Очередным примером недалечности может послужить заявление перед подчиненными, которое Эйхман сделал в последние дни войны, заявив, что факт пяти миллионов смертей евреев на его совести доставляет ему необычайное удовлетворение.

Разбирая психологический портрет обвиняемого, Ханна Арендт опровергает мнение о нем как об абсолютном зле. Он – примерный семьянин, законопослушный гражданин и, в целом, положительный член общества. Его проблема именно в неспособности думать. Зло, сотворенное Эйхманом, не имеет демонической природы, оно не вызвано ненавистью, злобой или завистью. По мнению писательницы, он не прячется под маской простодушного человека. Он на самом деле является таковым. Он не испытывает угрызений совести, потому что не чувствует за собой вины. Он убежден в том, что всё его «зло» – вовсе не «зло», а хорошо и добросовестно выполненная работа. Адвокат Эйхмана, Р. Сервациус, так сказал о своем подзащитном: «Эйхман чувствует себя виновным перед Богом, но не перед законом» [2, с. 22].

Принято считать, что Арендт в своей работе обезличила зло, лишила его фанатичности. Но именно это и составляет ядро этого произведения. Она показывает, что людей подобных Эйхману было много. Среди них не было садистов и извращенцев, они были обычными обывателями, иногда даже с налётом интеллектуальности. И как пишет автор, главный вопрос книги был вовсе не юридический, а морально-этический: «Сколько времени требуется обыкновенному человеку, чтобы подавить свое врожденное отвращение к преступлению, и что именно происходит с ним, когда он достигает

перелома»? [1, с. 151]. Пожалуй, ответ на этот вопрос раскрыл бы не только суть фашизма, но и войн в целом. Произведение Ханны Арентд не столько о суде над Эйхманом, сколько о вопросах совести. Эйхман был не первый, кто прикрывался приказами, – так поступал почти каждый осужденный на Нюрнбергском процессе и вполне естественно, что этим словам не верили. Не верили потому, что многие из них сами отдавали эти приказы, вполне осознавая их бесчеловечность и преступность, осознанно делая этот выбор.

Многие критики упрекают философа в том, что она сочувствует подсудимому. Но в действительности это не так. Все ее замечания относительно Эйхмана пронизаны тонкой иронией. Она не считает его человеком, потому что в ее глазах он перестал быть таковым. На суде Эйхман заявлял, что не мог бросить свою работу, что выход был только один – самоубийство. Арентд опровергает эти слова, говоря, что даже в нацистской Германии были люди, отказавшиеся работать на систему и не понесшие за это наказания. Отзываясь о нем, как о честолюбивом бюрократе, не способном даже на проблески оригинального мышления, Ханна Арентд считает, что именно в этом и состоит вся чудовищная суть нацизма.

Библиографический список

1. Арентд Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. - М.: Европа, 2008. - 423с.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетели - М.: Европа, 2012. - 192с.

УДК 378.126;372.8:004

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ»

Еприкян Диана Оганесовна, ассистент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева, eprikyan_do@rgau-msha.ru

Аннотация: *В статье рассмотрены вопросы методической подготовки педагогов к работе в цифровой образовательной среде, формирования цифровых компетенций в процессе изучения дисциплины «Электронные образовательные ресурсы».*

Ключевые слова: *цифровая образовательная среда, педагог профессионального обучения, цифровые компетенции, подготовка педагогов, информационные и коммуникационные технологии в образовании, электронные образовательные ресурсы.*

Цифровую образовательную среду определяют как новую реальность, в которой все элементы системы образования взаимодействуют с помощью новых педагогических цифровых инструментов. Она делает возможным построение персональных образовательных траекторий, а также формирование цифровых компетенций у обучающихся. Сейчас о цифровой педагогике, цифровой дидактике говорят уже как о науках будущего. Инновации в образовании и профессиональной подготовке во многом зависят от расширения прав и возможностей педагогов. Цифровая готовность педагогов